

ТРАЕКТОРИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ¹¹⁹

Курочкин А.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7/9
alexkur@bk.ru*

Аннотация: в докладе автор раскрывает специфику национальных стратегий инновационного развития с учетом соотношения глобальной и макрорегиональной компоненты. Ключевыми глобальными факторами, определяющими общность инновационного развития, являются: сетевизация процессов управления, цифровой формат технологического развития, диктуемый четвертой промышленной революцией, а также социально-экономические параметры «новой глобализации».

Ключевые слова: цифровизация экономики, новая глобализация, инновационное развитие, четвертая промышленная революция.

В условиях чрезвычайно динамично развивающейся в глобальном масштабе сетевой и цифровой среды функционирования национальных инновационных систем достаточно актуальным является вопрос о необходимости определения баланса национальных (региональных) особенностей инновационных стратегий роста и универсализма, диктуемого общемировыми трендами. Этот баланс тем более актуален, когда мы рассматриваем ситуацию, сложившуюся в современной российской экономике, испытывающей дополнительное негативное влияние таких факторов, как санкционный режим и абсолютное доминирование в части получения прибыли как частных компаний, так и государственного бюджета от экспорта энергоносителей и сырья.

В качестве глобальных факторов, определяющих сегодня контекст развития любой национальной экономики и инновационной системы, определим прежде всего четвертую промышленную

¹¹⁹ Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, грант Проект №19-011-31177 опп «Формирование политической стратегии прорывного развития региональной инновационной системы в контексте эффективного решения задачи импортозамещения».

революцию, повлекшую становление платформенного капитализма и социально-экономические последствия т.н. «новой глобализации».

Становление «платформенного капитализма» связано с появлением и постепенным доминированием на глобальном рынке транснациональных корпораций-платформ: «на самом общем уровне платформы – это цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать. Поэтому они позиционируют себя как посредники соединяющей между собой различных пользователей: покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты» [1, с. 41-42]. Платформенные качества современных корпораций, во многом был предопределен новым содержанием технологического развития эпохи четвертой промышленной революции. Последняя связана с созданием киберфизических производственных систем, на основе использования искусственного интеллекта и технологии Интернета вещей, позволяющей сконструировать автономную интеллектуальную сеть, контролирующую процесс выпуска продукции по всей производственной цепочке [2].

Корпорации-платформы трансформируют бизнес-процессы, обеспечивая прежде всего существенную экономию на транзакционных издержках. В частности, они эффективно опосредуют взаимодействие между отдельными людьми, социальными группами, организациями, предоставляя информационно-коммуникативное пространство, обеспечивают механизм производства, обмена, систематизации и монетизации информации, активно используют перекрестное субсидирование и сетевые эффекты для увеличения своей клиентской базы. Все это детерминирует глобальные тренды в развитии инновационных систем на национальном и макрорегиональном уровнях: виртуализацию и сетевизацию бизнес-коммуникаций, дигитализацию экономических обменов, внедрение элементов т.н. «шеринговой экономики» (sharing economy), связанных с возможностями разделяемого/кооперативного использования ресурсов и распределения затрат, которые несут частные лица и организации.

При этом, нельзя не учитывать в ходе анализа развития инновационных процессов и такие негативные следствия становления платформенного капитализма, как:

- цифровой разрыв, связанный с недостаточной подготовкой граждан для активного участия в цифровой экономике и недоразвитостью инфраструктуры;
- непрозрачность процесса принятия решений, в силу его распределенного характера и сложной алгоритмизации процесса («алгоритмические системы – это и есть пресловутые «черные ящики», потому что они производят в мире материальные эффекты, не всегда раскрывая то, как они их произвели» [3, с.328-329]);
- прекаризация рынка труда, влекущая за собой появление новых форм частичной занятости и в целом низкий уровень защиты прав трудящихся и т.д.

Феномен «новой глобализации», подробно описанный в работах Ричарда Болдуина, также оказывает существенное универсализирующее влияние на инновационные процессы в целом и развитие национальных инновационных систем в частности.

Учитывая краткий формат изложения тезисов, перечислим лишь ключевые факторы новой глобализации:

- новая глобализация окончательно перенесла центр тяжести мировой экономики на плечи транснациональных корпораций, приобретших новое платформенное содержание, которые уже сегодня «управляют международными производственными сетями и... лишают национальные экономики их сравнительных преимуществ» [4, с.27];
- процесс инновационного развития в новых условиях стал значительно более непредсказуемым и менее управляемым как со стороны бизнеса, так и государства: «экспоненциальный рост сферы ИКТ способен за считанные месяцы сделать обыденными самые невероятные вещи» [3, с.27];
- новая глобализация делает крайне сложно предсказуемой конъюнктуру рынка труда, направив фокус на различные формы частичной занятости и доминирование творческого характера новых профессий: «влияние новой глобализации становится индивидуальным в том смысле, что выигравшие и проигравшие работники более не группируются по отраслям или профессиям... поэтому точно спрогнозировать, какие именно профессии и операции в будущем станут лишними, практически невозможно» [4, с.28];
- наконец, она кардинально поменяла представление о значении расстояний и прочих географических факторов. Причем эти изменения носят амбивалентный характер: с одной стороны сети и цифровое содержание коммуникаций сводят затраты на информационный обмен практиче-

ски к нулю, с другой, физическое перемещение рабочей силы в пространстве остается весьма дорогостоящим процессом.

Однако, несмотря на рост универсализма и силы влияния новых глобализационных факторов, инновационные процессы и стратегии развития по-прежнему испытывают значительное влияние макрорегиональных и национальных траекторий развития инновационных систем.

В зависимости от выбора способа систематизации и анализа социокультурных, исторических, ментальных и ряда других факторов, можно обозначить различные классификации таких траекторий. В качестве наиболее общей можно предложить дифференциацию трех макрорегиональных траекторий или моделей развития инновационных систем, представляющую три центра прорывного роста в области развития креативной, инновационной экономики: англосаксонскую, североевропейскую и восточноазиатскую.

Англосаксонская траектория, базисный конструкт которой составляет североамериканская модель Кремниевой долины, определяемая М. Кастельсом, как «открытое информационное общество, движимое силами рынка» [5, с.28]. Ее ключевыми социокультурными характеристиками выступают доминирование неолиберальной идеологии, абсолютный приоритет свободы личности и индивидуального успеха, атомизация общества и высокая степень конкуренции внутри социальной структуры. Существенное влияние в рамках англосаксонской траектории развития оказывают установки массовой шоу-культуры, креативных индустрий, с явным доминированием ценностей потребления и развлечения.

Восточноазиатскую модель, основу которой формируют Япония, Южная Корея, Сингапур и Китай, отличает склонность к авторитарному типу принятия решений в том числе в сфере инновационной политики. Ей свойственна коллективистская инновационная культура, значительный уровень развития человеческого потенциала, определяемый, прежде всего, колоссальными государственными инвестициями в национальные центры науки и образования, но в то же время, очевидная склонность к авторитарным методам корпоративного и политического управления, высоким уровнем централизации процесса принятия решений и концентрации властных полномочий. Современные сетевые сервисы парадоксальным образом сочетаются здесь с традиционной иерархической структурой и бюрократической культурой административного государства.

Североевропейскую траекторию инновационного развития можно охарактеризовать в терминах высокой открытости, причем как с точки зрения инфраструктурной доступности для большинства граждан (минимальный цифровой разрыв, по сравнению с другими макрорегионами мира), так и в направлении обеспечения механизмов широкого гражданского участия в политической жизни и процессах принятия управленческих решений. Вторым важным моментом является прочно укорененная инновационная «культура хакерства» (согласно терминологии, предложенной М. Кастельсом [5]), которая базируется на ценностях свободы творческой самореализации личности и стремлении к созиданию. Наконец третья ключевая характеристика - наличие гибкой модели государства благоденствия, исключительно органично вписавшейся в новые условия платформенного капитализма.

Для современной России чрезвычайно важным представляется прояснение и сохранение своей исторической траектории инновационного развития, определяемой как глубинными (ментальными, культурными) факторами, так и социально-историческими (связанными прежде всего с позитивным опытом научно-технологического развития Советского Союза). Эта траектория развития должна быть умело сбалансирована («сшита») с глобальными трендами развития сетевого общества и цифровой экономики.

Литература

1. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
2. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2018.- 208 с.
3. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Москва: Издательский дом «Дело», 2018. 424 с.
4. *Болдуин Р.* Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018. 416 с.
5. *Кастельс М, Химанен П.* Информационное общество и государство благосостояния: финская модель М.: «Логос», 2002. – 224 с.